

Шэнь Хуэйцы обещал подстроиться под график Линь Суе, но молодой директор был слишком занят: несколько дней он буквально не вылезал из офиса, пытаясь выкроить хотя бы минуту свободного времени. В перерывах он связывался с юристами, чтобы разобраться с расторжением соглашения с Ань Ци, но тот словно сквозь землю провалился. Поиски не давали результатов, и Линь Суе начинал не на шутку выходить из себя.

Из-за всей этой суеты встреча откладывалась снова и снова, пока наконец спустя неделю в его расписании не образовалось «окно».

Сяо Цзю, растянувшись в своем маленьком гнездышке, вздыхала по восемьсот раз в минуту.

Линь Суе не выдержал и усмехнулся:

— Ну и что это за вздохи?

«Я просто не ожидала, что настанет день, когда носитель сам пригласит Шэнь Хуэйцы на ужин, — меланхолично отозвалась система, взлетая. — И даже так тщательно наряжается».

— Не говори так, будто в этом есть какой-то двусмысленный подтекст, — Линь Суе замер, поправляя цепочку на шее. — Я что, хоть в какой-то день выхожу из дома не за собой не следя?

Что верно, то верно.

Поскольку сегодня Линь Суе надел длинное пальто, ехать на мотоцикле было неудобно. Он сел за руль «Порше» и направился в отель «Циньвань», по пути заскочив за часами, которые заказал заранее. Сяо Цзю тут же пробила модель — Patek Philippe 5961P-001.

Стоимость: 1 360 000 юаней.

«Носитель, — робко поинтересовалась система, в которой зародилось подозрение, — а эти часы...»

— В благодарность за помощь.

Маленькая система, ослепленная такой щедростью, мысленно закатила глаза и едва не грохнулась в обморок.

Из-за событий прошлого у Линь Суе остались неприятные воспоминания о прогулках по территории съемок, поэтому он не пошел искать Шэнь Хуэйцы на площадке, а припарковался у отеля. По иронии судьбы, первым, кого он встретил, оказался человек, которого он сегодня хотел видеть меньше всего.

Мо Гуаньци, едва выйдя из фургона, сразу заметил своего друга. Он подбежал и крепко обнял его:

— А-Е! Ты что тут делаешь?

— ... — Линь Суе слегка приобнял его в ответ. — Есть дело.

— Какое дело?

— ...Уже закончил.

Мо Гуаньци, не заподозрив неладного, просиял:

— Вот и отлично! Пойдем пообедаем вместе.

Линь Суе замялся.

— А-Е?

— Какое досадное совпадение, учитель Мо, но у твоего А-Е сегодня уже назначена встреча.

Раздражающе самоуверенный голос прозвучал неторопливо и плавно.

Шэнь Хуэйцы, довольно щурясь, снял солнцезащитные очки и помахал рукой. Казалось, каждая прядь его безупречно уложенных волос кричала о том, как долго он собирался. Пальто песочного цвета идеально подчеркивало его статную фигуру, а тонкий шлейф дорогого одеколona довершал образ.

Он шел к ним, расправив плечи, точно павлин, распутивший хвост.

Лицо Мо Гуаньци исказилось, и он с натянутой улыбкой посмотрел на друга:

— А-Е, ты ведь не скажешь мне, что твое «дело» — это встреча с этим типом? Нет же, правда?

Этот взгляд напомнил Линь Суе времена старшей школы. Именно так Мо Гуаньци смотрел на

них, когда узнал, что Цзян Вэйчжи за их спинами начал с кем-то встречаться.

Молодой директор Линь почувствовал укол совести:

— Ну... как бы тебе сказать...

— Хм, — холодно хмыкнул Мо Гуаньци. — Врешь. — Он бросил свирепый взгляд на «павлина»:
— Только попробуй сделать что-то неподобающее — пожалеешь. И не души людей своим паршивым парфюмом, дышать нечем.

Затем его острый взор вернулся к Линь Суне, который старательно делал вид, что изучает облака:

— А-Е, вечером я позвоню тебе по видеосвязи, жди.

С этими словами он, переполненный недовольством, освободил дорогу. Шэнь Хуэйцы победно вскинул бровь и с нескрываемым удовольствием занял пассажирское сиденье «Порше».

Линь Суне, чувствуя себя крайне неловко, сел за руль. Он еще долго махал стоявшему на улице Мо Гуаньци и даже сложил пальцы сердечком, прежде чем наконец в спешке поднял стекло.

Застегивая ремень безопасности, Шэнь Хуэйцы заметил:

— Стережет тебя, как курица цыпленка. Я уж думал, не отпустит.

Линь Суне нажал на газ:

— Гуаньци никогда не вмешивается в круг моего общения.

— Гуаньци... — Шэнь Хуэйцы недовольно причмокнул, чувствуя во рту привкус ревности. Всё его недавнее торжество как ветром сдуло. — Интересно, когда же я удостоюсь чести услышать от тебя «Хуэйцы»?

Линь Суне удивленно покосился на него:

— Вы — разные.

— В чем же разница? Он уже «твой человек», а я всё еще в очереди на содержание стою?

— Да что ты несешь.

Линь Суге привычным движением крутанул руль, плавно входя в поворот:

— Он мой лучший друг. Мы выросли вместе.

— Лучший друг?

— Ага. Он из семьи Чжоу.

Шэнь Хуэйци опешил. Он знал лишь то, что Мо Гуаньци — сын Вань Шу. Вань Шу была легендой, оставившей неизгладимый след на музыкальном олимпе, но, к сожалению, в тридцать с небольшим у неё обнаружили проблемы с голосом, и ей пришлось уйти со сцены на самом пике карьеры.

В те времена ходили слухи о её замужестве, но до самого её ухода ни одно СМИ так и не выяснило, кто был её мужем. Даже когда её сын, Мо Гуаньци, вошел в шоу-бизнес, личность его отца оставалась загадкой.

Оказалось, она вышла замуж за представителя семьи Чжоу. Теперь всё встало на свои места.

Семьи Линь, Чжоу, Шэнь, Чэн и Чу — это была верхушка делового мира Города Юнь. Семье Хо, в которой состоял Хо Хэн, до них было далеко.

— Значит, его настоящее имя — Чжоу Гуаньци?

Линь Суге кивнул.

Шэнь Хуэйци втайне возликовал: сама судьба на его стороне! Раз они просто друзья, значит, у него есть все шансы. Он с нескрываемой нежностью посмотрел на ведущего машину Линь Суге:

— Ты сейчас... оправдываешься предо мной?

— Угу.

Но не успел актер обрадоваться, как Линь Суге спокойно добавил:

— Не хочу, чтобы ты думал, будто Гуаньци добился успеха благодаря мне. Он сам по себе очень талантлив.

Бам.

В сердце учителя Шэня что-то с треском надломилось. Его вера в собственную исключительность дала трещину.

Линь Суе выбрал ресторан хунаньской кухни. Он рассудил так: раз уж он хочет отблагодарить человека, то вести его в пафосное место с красивым интерьером, но посредственной едой — это моветон. Поэтому он выбрал заведение, где часто обедал с друзьями и которое все неизменно хвалили.

Он пододвинул меню спутнику:

— Прошу, учитель Шэнь.

«Что ж, обращение сменилось с "господина Шэня" на "учителя Шэня". Будем считать это шагом к сближению», — горько усмехнулся про себя Шэнь Хуэйцы.

Он не знал, как Линь Суе относится к острому, поэтому заказал половину блюд пресных, а половину — со специями.

Когда принесли заказ, выяснилось, что молодой директор Линь из тех людей, кто «и хочется, и колется»: есть острое толком не умеет, но всё равно упорно тянется к тарелке.

Шэнь Хуэйцы, вздохнув, налил ему воды:

— Давай на этом закончим, а?

Щеки Линь Суе покрылись легким румянцем, а губы распухли и ярко алели, точно спелая земляника. Он отмахнулся:

— Я в порядке.

— Вижу я твой «порядок». Пей давай.

Выпив стакан воды, Линь Суе еще минут пятнадцать приходил в себя, пока краснота не сошла с лица, оставив лишь сочный, соблазнительный оттенок на губах.

Взгляд Шэнь Хуэйцы потемнел, кадык на его шее судорожно дернулся. Он с трудом заставил себя отвернуться.

После обеда Линь Суе достал подарочную коробку:

— Учитель Шэнь, это тебе. В знак благодарности.

Шэнь Хуэйцы узнал логотип и невесело усмехнулся: этот парень мастерски расставляет границы. Преподнести такие дорогие часы в качестве ответной услуги — значит ясно дать понять, что он не желает оставаться в долгу.

— Оказывается, в глазах директора Линя я стою так дорого, — произнес он.

— Я знаю, что ты не нуждаешься в подобных вещах, но сейчас это единственное, чем я могу тебя отблагодарить.

— Ты ведь знаешь, чего я хочу на самом деле, — вкрадчиво проговорил Шэнь Хуэйцы.

Линь Суге поджал губы:

— Сейчас я не могу тебе этого дать.

Шэнь Хуэйцы тяжело вздохнул. Ладно, по крайней мере, он не получил прямого отказа — значит, шанс всё еще есть. Приняв подарок, он сказал:

— Когда настанет день и ты сможешь мне это дать, я верну их тебе.

Линь Суге забронировал отдельный кабинет, поэтому на выходе им пришлось пересечь длинный коридор. В ресторане была отличная звукоизоляция, и в тишине прохода звук их неторопливых шагов казался отчетливым.

Внезапно этот размеренный ритм нарушил топот — кто-то стремительно бежал им навстречу. Линь Суге обернулся и увидел рыжеволосого парня.

На вид ему было чуть больше двадцати. Ярко-рыжие волосы, крест на массивной цепочке, который громко стучал по груди при каждом движении. На ногах — тяжелые ботинки, на поясе — куча каких-то побрякушек, которые звенели на весь коридор.

«Типичный представитель субкультуры», — подумал Линь Суге.

Он посторонился, давая дорогу, но парень внезапно затормозил прямо перед ними, вклинившись между Линь Суге и Шэнь Хуэйцы.

Юноша презрительно фыркнул, мельком взглянул на Линь Суге, а затем в упор уставился на Шэнь Хуэйцы.

— Совсем опустил! — пафосно выплюнул он.

Линь Суе нахмурился. Лицо этого парня казалось ему знакомым.

«Носитель, это Гун №4! — мгновенно подсказала Сяо Цзю. — Четвертый гун!»

Линь Суе осенило.

В оригинальном романе пару четвертого гуна и главного героя-шоу читатели считали самой яркой парой типажа «старшая сестра и преданный пес».

Четвертого гуна звали Сюй Сянань, он начинал как айдол на шоу талантов. В двадцать лет он решил податься в актеры, и благодаря своей популярности в первом же проекте столкнулся с Шэнь Хуэйцы.

Они играли сводных братьев, и после выхода сериала их пара стала невероятно популярной. Фанаты буквально сходили по ним с ума, шипперя их не только в кадре, но и в жизни.

Сами актеры относились к этому с нескрываемым отвращением. Особенно Шэнь Хуэйцы, который на дух не переносил Сюй Сянаня. В первый же съемочный день он заявил, что решение бросить сцену ради кино в двадцать лет — это «саморазрушение и деградация».

Впрочем, как бы они ни презирали друг друга, в оригинале оба в итоге оказались в сетях главного героя-шоу.

Второй и четвертый гуны обеспечили роману немало эффектных сцен ревности. Тот факт, что их самих когда-то шипперили, а теперь они грызлись из-за одного парня, придавал сюжету особую пикантность в глазах читателей.

Дальше сюжет становился еще более нелепым. Когда папарацци засняли одну из их стычек, фанаты пары Шэнь-Сюй устроили настоящий бунт, осыпая проклятиями Ань Ци. Тогда оба актера лично вмешались, в пух и прах разнеся собственных фанатов. Это был грандиозный скандал. Но по мере роста популярности Ань Ци хейтеры сменили гнев на милость, и все дружно принялись шипперить главного героя со всеми сразу.

Мем о том, как «любовники» стали соперниками, навсегда вошел в историю шоу-бизнеса.

«Какая чушь», — подумал Линь Суе.

Фанатов не так-то просто обмануть, а уж чтобы все разом «прозрели» и полюбили разлучника — это чистой воды выдумка автора.

Шэнь Хуэйцы скрестил руки на груди, глядя на юношу свысока:

— И в чем же выражается моя деградация?

Лицо Сюй Сянняна вспыхнуло, он долго глотал воздух, прежде чем выдавить:

— Ты... ты стал жиголо! Альфонсом!

«Я бы и рад им стать, да только не берут», — с сожалением подумал Шэнь Хуэйцы.

— И с чего ты это взял?

— Он ездит на "Порше", дарит тебе Patek Philippe! Кто ты после этого, если не прихлебатель!

— И что с того? — Шэнь Хуэйцы не удержался и по-хозяйски приобнял Линь Суе за плечи. — Малыш, не стоит завидовать тому, чего сам получить не можешь.

Линь Суе почувствовал, что его репутации наносится непоправимый ущерб. Почему каждый встречный уверен, что он спит со звездами за деньги? Это же чистой воды клевета.

Глядя на задыхающегося от возмущения Сюй Сянняна, он наконец понял, в какой точке сюжета они находятся.

По сюжету, после той памятной вечеринки Ань Ци решил, что главный герой-гун ему изменяет, отвесил тому пощечину и в слезах сбежал в отель «Циньвань», где и встретил четвертого гуна. К тому моменту, как главный герой пришел мириться, Сюй Сяннян уже успел влюбиться в Ань Ци и был свято уверен, что тот страдает в токсичных отношениях. Так произошла их первая крупная стычка.

Судя по времени, сейчас как раз должен был наступить момент знакомства Сюй Сянняна и Ань Ци. Неудивительно, что они встретились именно здесь.

Интересно только, видел ли рыжий Ань Ци? Линь Суе ведь его несколько дней найти не может, чтобы контракт расторгнуть.

Пока Линь Суе витал в облаках, он не заметил, что взгляд Сюй Сянняна переместился на него.

— Ты... ты же красавчик, — выпалил парень, запинаясь. — Как ты мог заинтересоваться таким типом?

Молодой директор Линь вернулся к реальности. Краем глаза он уловил серебристый блеск во

рту парня. Это пробудило в нем любопытство, и он ляпнул совершенно не к месту:

— О, у тебя проколот язык?

— А можно посмотреть?

Сюй Сянань мгновенно покраснел до корней волос.

«Убирайся!»

Чувство беспросветного отчаяния накрыло Шэнь Хуэйцы с головой. Он был близок к краху.

Линь Суне что, серьезно заинтересовался этим сопляком?!

<http://bllate.org/book/16112/1584630>